

Э. Симпсон

О мире и о войне.

**ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ
БАБУШКИ**

Симпсон Элизабет

**О мире и о войне.
Воспоминания моей бабушки**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Элизабет С.

О мире и о войне. Воспоминания моей бабушки / С. Элизабет —
«ЛитРес: Самиздат», 2015

Воспоминания моей бабушки, прожившей почти весь 20-й век, целиком.
Воспоминания записаны мной с ее слов и литературно обработаны.
Представляют интерес для тех, кому небезразличен взгляд на события и дела
"давно минувших дней" с точки зрения очевидца, а не из "недавно открытых
архивов" и страниц учебников истории.

Автор: Элизабет Симпсон.

«О мире и о войне. Воспоминания моей бабушки».

Вступление.

Примерно 8 лет назад я решила отвлечь свою бабушку от всех ее печальных мыслей – разом и надолго. Прихватив с собой рабочий ноутбук, явилась к ней в гости, и решительно заявила: «Бабуля, сейчас я буду записывать твою жизнь! Давай, рассказывай всё, что помнишь!». А потом весь вечер стучала по клавишам, под неторопливый бабушкин монолог. И в следующий вечер – тоже... И в после-следующий... И в после-после... и...

Сейчас, пуская в плавание по волнам мировой паутины эти воспоминания (словно крохотную белую лодочку из рук – в мировой океан), я думаю и о своей бабушке, и о многих людях, чья жизнь засыпана, погребена в забвении под неумолимо опадающими листьями лет и многими, невесть чьи фантазии содержащими, пластами «литературных очерков о жизни Советского народа» и «данных, совсем недавно поднятых из архивов».

Мои миниатюры не претендуют на монументальность и эпохальность. Это – просто маленькие цветные стеклышки из общего калейдоскопа под названием «Как жили люди ТОГДА...»

P.S. Все, что написано прямой речью – практически, везде, сохранено так, как услышано от источника.

1. Дошкольное детство

Бабуля моя, Никонова Лидия Николаевна, появилась на свет на Украине, точнее – в Донбассе, маленьком шахтерском городке Кадиевка, 16 декабря 1920 года.

Всего в километре от жилой части городка, немного возвышаясь над ней, дымил трубами коксохимический завод. Построен он был в 1896 году, и к 1927-му году его оборудование было уже изрядно изношено, часто выходило из строя, что служило причиной многих аварий.

В нормальном (судя по всему – весьма специфическом "нормальном") рабочем состоянии Коксохим «привносил» изрядный букет своих «ароматов» в жизнь горожан. Но когда он

загорелся – это зрелищное (а главное – весьма «обонятельное»!) событие стало незабываемым для всех, в том числе и для маленькой Лиды.

Во время пожара шестилетняя Лидочка и ее брат Шурик (старше Лиды на два года) сидели на крыше своего одноэтажного дома, и с замиранием сердца смотрели на высоко поднимающийся в небе столб дыма с языками пламени. Но страха катастрофы, панического страха от виденного не осталось, и только ужасающий запах горящей смолы прочно осел в памяти на долгие, очень долгие годы...

В пять лет Лида впервые выехала из Кадиевки в Большой Мир – на поезде, со своей мамой и бабушкой. Направлялись они в Харьков*, к родне.

С самого начала поездки, маленькая Лидочка, как и все дети всех времен, стояла у окошка. Широко распахнутыми глазами смотрела на «пролетающие» мимо телеграфные столбы и пораженно восклицала: «Ух, как его кидает!». Потом, вдосталь наудивлявшись – притомилась, спать захотела. Мама уложила ее на нижнюю полку, прилегла рядом, а на полке напротив устроилась уставшая бабушка.

Шифоньеров тогда в семье не было, и вещи складывали в сундуки или в большие плетеные корзины. И, уже засыпая, малышка сделала еще одно поразительное открытие, о чем сразу сообщила бабушке: «Бунечка, а мы с тобой в корзинке, что ли едем?!».

(Замечу, что почти через 50 лет после описываемого путешествия, четырехлетняя я, обнаружив, что едем мы с бабушкой в город Москву в плацкарте, а не купе, деловито осведомилась: «А почему не кабинет?», ибо та моя поездка была далеко не первой. Другое время, другие дети...)

И вот, переполненная открытиями и сопутствующими волнениями, маленькая Лидочка со своей бабушкой-Бунечкой и мамой прибыли в Харьков. Мама, бабушка и «принимающая сторона» – Лидочкина тётя Нюра, немного отдохнув с дороги, ушли (как тогда говорили) «в город» – прогуляться по магазинам. Малышку с собой не взяли, и она, предоставленная самой себе – как и любой ребенок в чужом доме – решила повнимательней осмотреться.

На веранде стоял стол. У бабушкиной семьи, как и у многих в то время и в тех местах (Украина, 1926 год) среди предметов мебели не значилось большого шкафа, торжественно именуемого французским словом «буфет». Посуду – тарелки, ложки, вилки, кастрюли и прочее – складывали в маленький шкафчик, что располагался прямо под столом (очень удобно, если не хранить там столовый сервис на 12 персон, с супницей «инклюзив»!).

Обнаружив этот шкафчик, Лида, конечно же, его открыла, и сочла, что внутри – явный беспорядок! Тут-то впервые и проявилась её хозяйственность, которая всегда вызывала во мне уважительное удивление, особенно когда я на своем опыте осознала – каким трудом это достается.

Итак, пятилетняя Лидочка «приняла меры» по устранению беспорядка. Вытащила всю посуду из шкафчика и перемыла ее. Обнаруженной весьма кстати газеткой застелила полочки. Аккуратно поставила всё обратно...

Можете себе представить, как умилялись старшие, вернувшись с прогулки!

У бабушки, с которой Лида ездила в Харьков (бабушки «с папиной стороны»), было звучное, величавое имя-отчество: Домна Ивановна. Но ласковое «Бунечка», придуманное любящими внуками, куда больше подходило к добродушному и мягкому характеру Домны Ивановны.

Почти полной противоположностью Бунечке была бабушка «с маминой стороны»: Стефанида, полячка – не улыбка, к детям строгая. Внучата её, в свою очередь, тоже не слишком любили, не слишком ласково звали: баба Стефча.

Временами «противоречие» между бабушкой и внуками переходило в микро– бунты со стороны малышни. Велит, например, маленькой Лидочке баба Стефча: "Сходи на улицу, к крану, принеси воды чайник, а то пить хочется!...". Внучка не спорит – идет послушно, чайник полный наберет, да, но... по дороге обратно так чайником размахивает, что, по меньшей мере, половина содержимого на дороге оказывается, а в самой посудине – чуть не на доннышке воды: нате, бабушка, получите-распишитесь! Ну, видимо, по заслугам и награда была...

Трудно себе представить, чтобы хозяйственность в таком возрасте – пять лет – зависела исключительно от собственных качеств ребёнка. Очевидно, что для этого детям нужен постоянный живой пример – к а к должен быть устроен порядок в доме. И у Лидочки этот пример – был, и, несомненно, он был очень хорош. То есть не он хорош, а она – мама.

... Её (маму моей бабушки, то есть мою прабабушку) звали Никонова Ирина Николаевна.

Она родилась под Варшавой в 1899 году, и была чисто «рабоче-крестьянского» происхождения. Правда, эта "чистота происхождения" была слегка «подпорчена» семейной легендой об одной бедной, но очень гордой польской графине, бежавшей со своим возлюбленным из отчего дома еще в 19-м веке.

Окончила Ирина только 4 класса.

Еще до учебы, в 10-летнем возрасте – уже прислуживала у богатых польских помещиков – смотрела за их детьми. Но однажды хозяйка решила ее наказать (вина девочки была очевидна!), для чего взялась за длинную ручку тяжелой сапожной щетки ... 10-летняя Ирина же в ответ отчаянно вцепилась в ручки только что закипевшего, исходявшего горячим паром самовара: «Только троньте!... Самовар на Вас опрокину!...». Терпеть строптивую девчонку в приличном польском доме после этого не стали – со "службы" выгнали моментально...

После окончания «4-х летки», 15-летняя Ирина работала в галантерейном магазине, продавщицей. Потом – сестрой милосердия, в госпитале (в 18 лет). Интересно, что есть две её фотографии того времени: на одной – кокетливо взирающая на зрителя загорелая пухлощекая девчонка в «бусиках», а на второй (к сожалению, очень плохо сохранившейся) – уже посерьезневшая девушка в белом, «форменном» головном уборе сестер милосердия. Всего два – три года разницы – а жизненный опыт (да еще какой!), видимо, уже преподавал девочке, молодой девушке, свои непростые, горькие уроки.

Выйдя замуж и родив двоих детей, Ирина больше нигде не работала, так что Лидочка с детства наблюдала, как тщательно и аккуратно ведет мама их маленькое домашнее хозяйство. В доме всегда был порядок, хотя избыточной жилплощади не было (по современным меркам): на четырех человек – две маленьких комнаты. К тому же первая комната была проходной, там стояла плита (фактически, это была кухня), и окно из этой комнаты выходило на веранду. Вторая комната была «жилой», уже с окном на улицу.

Прабабушка моя (как и многие, волею судеб попавшие в те времена), прожила очень богатую на события жизнь.**

Но в те, относительно спокойные годы – конец 20-х – и до самой войны, для ее жизни (помимо ведения домашнего хозяйства) лучше всего подходят слова: была она любознательна, очень много читала.

Конечно же мне (как обожающей чтение, с раннего детства) было интересно – а что именно тогда читали, какие книги были популярными? Бабуля, старательно полистав странички своей памяти, назвала произведения Лидии Чарской, книжный авантюрно-уголовный «сериал» «Рокамболь», «Тайны мадридского двора»***... Вся эта литература, по листочкам, раздавалась для чтения, между соседками.

Хранились книги отнюдь не в авторитетных шкафах, но в старых сундуках, на чердаке – словно древние, таинственные сокровища.

«Читающие» соседки тоже остались у бабушки в памяти: Клавдия Година, у которой муж был «партийным боссом». Ната Зюлина, муж которой тоже был партработником (что совсем не мешало ей звонко, на весь двор, докладывать: «Ирина Николаевна, я уже всё прочитала!»). А еще была среди них воображала Дуся, у которой муж учился на милиционера. Моей бабуле она запомнилась как владелица комбинации «джерси», что было по тем временам просто фантастическим шиком. Чтобы лишний раз продемонстрировать, на зависть окру-

жающим, эту достаточно интимную часть туалета, сообразительная Дуся часто мочила свою шикарную комбинацию и, как бы после стирки, вывешивала во дворе сушиться, на всеобщее обозрение...

Вот так жили в 1926-м году, в одном из дворов Донбасса, рядом – и обычные женщины, и воображалы, и жены партийных «боссов»... Да что это я! Все они были обычными женщинами, обычными жёнами, обычными мамами...

Р. S. К сожалению, бабушкина первая фотография – только в 8 лет. Поэтому здесь на фото, из 1917 года: 18-летняя, будущая мама моей бабушки, Ирина Николаевна, и ее мама (а моя, соответственно, пра-прабабушка) Стефанида.

—

* Харьков с 1914 до 1934 года был столицей Украины,

** В жизни прабабушки были не только должность "гувернантки" в 10-летнем возрасте у польских помещиков, а в 15-летнем – работа продавщицы в галантерейном магазине, но и долгосрочное общение с одним из людей, оказавших влияние на нашу Историю. Один из 26 легендарных бакинских комиссаров (Степан Шаумян, чрезвычайный комиссар Кавказа) – в его семье Ирина жила некоторое время... И я уже не говорю о военных годах!... И всё это замешано в бесконечных сменах местожительства – и стран, и регионов... Кроме того, прабабушка была очень умной женщиной (насколько я могу судить её письмам, сохранившимся в семейном архиве, написанным её рукой в уже глубоко пожилом возрасте, а также по воспоминаниям бабушки). В конце 70-х, прабабушка сама записала свои «мемуары» и отдала их одной из моих троюродных сестер. Та сдала эту бесценную семейную реликвию в школу, в качестве «домашнего задания», и... далее всё это благополучно потерялось. Вот об этом я очень сожалею, ибо сама была мала, чтоб сообразить потщательнее расспросить прабабушку о ее жизни, записать все подробности. Однако историю про «самоварный бунт» против зажиточной польской шляхты, и одну польскую песню я слышала много раз, непосредственно от прабабушки.

*** Насколько я понимаю, вся эта литература тогда именовалась "бульварной". Однако, Лидию Чарскую потом всё-таки "реабилитировали"! Я даже помню ее повесть, напечатанную в одном из детских\юношеских журналов конца 80-х годов...

2. Приключение в Бахчисарае

1927 год.

Лидочке было 6 лет, когда врачи обнаружили у ее мамы «затемнение в легких» и рекомендовали ехать в Крым, где «воздух – и тот целебный». К счастью (для семейного бюджета), в Крыму, в Бахчисарае, жили родные мамины сестры: старшая – бездетная и незамужняя, уже немолодая – Марина (у нее и остановились), Юлия – в расположенном неподалеку горном монастыре (христианском), и, также старше Ирины -Фрося(с мужем). Всего же у Лидочкиной мамы было 4 сестры: младшая, Варвара, проживала со своим супругом в Москве.

Фрося работала на почте, а муж ее – грек Христофор – был весьма известным в городе часовым мастером. Он был щедрым человеком, и сделал замечательные подарки "понаехавшей" родне: маленькой Лиде – крохотные сережки "с камушком", а Ирине – кулончик в виде золотого конвертика, в котором лежал серебряный листочек.

(Забегая вперед, скажу, что – увы! – сережки почти сразу сдали в Торгсин, выменяв на них продукты. Судьба конвертика осталась для меня неизвестной, но ювелирных «семейных реликвий» на момент моего появления у нас точно не было :))

Прибывших родственников Фрося с мужем почти сразу пригласили в гости.

Бахчисарай в то время был типичным татарским городом, где на улицы смотрели лишь глухие, высокие стенки заборов, а сами дома были в глубине дворов. Идешь по улице: забор – ворота, забор – ворота, и всё одинаковое, без единого оконца. Не зная точного расположения, можно было запросто заплутать.

Пока взрослые вели свои долгие, скучные для маленькой девочки беседы, Лидочка играла во дворе: изучила обстановку, попрыгала на одной ножке... Но вскоре и это ей наскучило. Потихоньку, осторожненько, она выглянула из приоткрытых ворот, наружу ... Посмотрела в одну сторону, в другую... По улице люди разные ходят – всё интереснее для приезжей девочки, чем пустой двор да взрослые разговоры! Особое впечатление произвели на неё местные татарочки: у многих лица были наполовину скрыты платками.

И чтоб увидеть хоть чуточек побольше – девочка вышла за ворота.

Тем временем, дело шло к вечеру. И разумница Лидочка не стала отходить от ворот далеко – лишь на два шажочка!...

Через город протекала река Чурук-Су, делая климат в Бахчисарае более влажным, поэтому в прохладных местных подвалах частенько проживали весьма упитанные жабы.

Один из таких подвалов располагался и во дворе тети Фроси, рядом с калиткой. И только девочка собралась шагнуть обратно, во двор... Снизу, по подвальным ступенькам, споро выбралась огромная жаба, в несколько прыжков достигла калитки, и, уставившись на малышку, застыла – прямо посреди прохода! Как тут не вспомнить историю про Дюймовочку! Совершенно безобидная Жаба одним своим видом вызвала у ребёнка такой страх, что Лидочка на всю жизнь запомнила эти огромные, немигающие глаза амфибии, похожие на очки (и почему-то вызывающие ассоциации с водолазом – тоже, кстати, в своем роде, земноводным :)).

Как назло, калитка была узкая, и разминуться с жабой, явно чувствующей себя тут хозяйкой, было невозможно... Ну, раз нельзя идти вперед – значит, надо повернуть назад! И Лидочка решила вернуться к тете Марине, у которой они остановились (та в гости не пошла). Девочка помнила, что шли они от дома тёти Марины совсем недолго. «Вот сейчас я за угол заверну, и будет та самая калитка!...» – рассуждала девочка. И вскоре уже заглядывала в почти знакомые ворота... Но нет, это была не та калитка! Потому что у тети Марины во дворе росла большая шелковица, а в этом... в и этом... и в этом дворе – тоже! – никакой шелковицы не было!...

Бегала-бегала бедная Лидочка, с учащенно бьющимся сердечком, по чужой улице – заглядывала во дворы, но никак не могла отыскать нужный! И вот уже совсем стемнело...

Неподалеку обнаружился подвал со ступенькой, в котором размещалась какая-то контора. Маленькая Лида примостилась на ступеньку и – терять уже было нечего! – заревела в голос.

К ней подошли две женщины: «Ты что, девочка, плачешь?» Лидочка, как могла, обстоятельно объяснила всю ситуацию. «Идем с нами! Сегодня переночуешь у нас, а завтра найдем и твою тетю Фросю, и тетю Марину!». Однако девочка, хоть и сквозь слезы, но твердо сказала: «Нет! Ведите меня в милицию! Иначе с вами я никуда не пойду!». И женщины ушли ни с чем.

(Видимо, воспитание, связанное с правилами безопасности, в бабушкиной семье было на должном уровне – и я с полным правом могу сказать, что для меня это просто замечательно! В смысле – для моего наличия в этом мире...)

Не знаю, как сейчас, а в 1927 году люди в Бахчисарае жили добрые, душевные, и вскоре вокруг плачущей русской девочки собралась целая толпа. Местные жители спрашивали друг у друга и у зареванного ребенка – в чем дело, а узнав, наперебой звали малышку к себе, ночевать.

Но Лидочка упрямо стояла на своем, и требовала, чтоб ее отвели не домой к незнакомым людям, а прямиком в отделение милиции... И тут, на ее счастье (и, безусловно, на счастье окружающих), подошел настоящий милиционер. Девочка очень обстоятельно ему все рассказала – начиная от момента их приезда, и заканчивая перечислением всей местной родни, с указанием – кто где и кем работает... И только вот так, с милиционером за ручку, покинула общее собрание.

Милиционер повел ее вдоль реки – на почту, где работала Фрося.

Внезапно навстречу им показалась процессия – тетя Фрося, ее муж, дядя Христофор – с пучком крапивы в руке, а за ними тетя Марина и мама.

При виде крапивы Лидочка уцепилась за дядю милиционера крепко-накрепко и приготовилась самозащитно рыдать еще горше, чем до этого, но таких мер не потребовалось. Ни у кого из взрослых не поднялась рука нахлестать крапивой бедного зареванного ребенка. Зато уж запомнилось это приключение на всю жизнь...

В Бахчисарае мама и дочка пробыли все лето. За это время они несколько раз посещали тетю Юлю в ее монастыре. На девочку огромное впечатление произвели вырубленные в горе кельи, большие ворота, и огромные деревья внутри, за воротами, на территории монастыря. В кельи и другие помещения вели вырубленные в горе ступеньки. Внутри кельи тети Юли был только деревянный топчан, а окна не было совсем.

(Вспоминая об этом, я невольно задумываюсь: каким же огнем должна полыхать в человеке Вера, чтобы он смог добровольно пойти жить в такую вот «квартиру»?)

Лидочка с мамой побывали и на экскурсии по горе Чуфут-Кале, где жил татарский хан. Раньше там был город, и до сих пор сохранились остатки стен, булыжные мостовые, канавки для стока воды... В пещерах были вырублены комнаты, а окна выходили прямо в пропасть, куда, как гласила легенда, хан выбрасывал неверных жен... Экскурсанты посещали настоящий ханский дворец, осматривали помещение гарема, из которого Лидочке более всего запомнились россыпи подушек на полу, ковры, и очень яркий орнамент, с синим, красным, зеленым цветом – на всех предметах обстановки.

На территории дворца были и многочисленные постройки для прислуги. Экскурсанты так же внимательно их осматривали, под рассказы о тяжести дореволюционной жизни местного населения (от находившихся тут очевидцев).

Возле известного памятника Марии Потоцкой («Фонтана слез») экскурсовод читал проникновенные стихи Пушкина, которые поэт посвятил этому месту («Фонтан любви, фонтан живой...»). Впечатление на Лидочку это произвело необычайное, и позже она с удовольствием открывала для себя все новые и новые произведения Александра Сергеевича, и многие его стихи помнила наизусть всю жизнь.

P.S. Дата у общей фотографии, к сожалению, отсутствует, зато здесь большинство главных действующие лица сей истории: в верхнем ряду: дядя Христофор и тетя Фрося. В нижнем – баба Стефча и тетя Марина, посредине – Лида. Кроме имен, никаких данных на фотографии нет, но я предполагаю, что примерно год 1931-й, и вряд ли Бахчисарай – скорее, Кадиевка, где собрались сестры с семьями у своей мамы.

А вот вторая фотография была найдена недавно, и здесь именно та девочка, которая бегала по Бахчисараю и требовала отвести ее в милицию... то есть шестилетняя Лидочка!

P.P.S. Мне сообщили, что в сентябре 1927 года, оказывается, было очень большое землетрясение в Крыму. Я же, несмотря на то, что действие моих рассказов происходят именно в этом регионе, никогда ни от кого из родных о нем не слышала. Этому есть вполне разумное объяснение*...

Но главное: вот живой пример, как можно, излагая историю, невзначай пропустить событие, наверняка изменившее жизни многих людей. И сколько таких "пропусков" при изложении событий прошлого века! Ведь так удобно, что очевидцев уже нет с нами, а новая поросль – абсолютное большинство – знают историю только с подачи популяризаторов (увы! не всегда порядочных, не всегда грамотных). Как просто управлять тракторкой "дел давно минувших дней" – в нашем, таком засыпанном информацией, и таком безграмотном 21-м веке...

...Вот такой вот неожиданной вывод из маленькой истории с маленькой девочкой получился!

*Лидочка с мамой побывали там до землетрясения, уехали домой до осени 1927 года, а потом Бахчисарай, согласно сведениям из интернета, сильно не пострадал – из-за особенностей своего географического расположения. Так что не пострадали ни тётя Фрося с мужем, ни тётя Марина. Что же касается горного монастыря, гораздо более уязвимого для природных катаклизмов – скорее всего, с тетей Юлей случилось несчастье, так как больше упоминаний о ней нет, и на этой фотографии ее нет тоже. Но маленькой Лидочке, видимо, по каким-то причинам об этом не рассказывали, да, видимо, и взрослой – тоже...

3. Хозяйственная девочка

На фото: 8-летняя Лидочка с братом Шуриком, папой и мамой. 1929 год.

В 1929 году, как раз когда восьмилетняя Лида закончила 1-й класс – на залежах железной руды Камыш-Буруна, в городе Керчь, начали строить (точнее – отстраивать заново, после пожара) металлургический завод имени Войкова. Туда и переехала вся семья Никоновых. Папа Лиды получил работу машиниста на паровозе, который совершал рейсы внутри завода.

В заводском поселке вновь прибывшему семейству сразу выделили 2-х комнатную квартиру, причём, со всеми чудесами современного комфорта того времени: водопроводом (это была раковина) и паровым (а не печным!) отоплением. И кухней. И только туалет по-старинке находился на улице – все-таки это был 1929 год, так что до этой «части светлого будущего» в каждой квартире было еще ох как не близко.

Дом был 2-х этажный, из белого крымского «ракушечника»*, который при добыче пилили на блоки, величиной примерно как 4 обычных кирпича.

Одновременно с заводом возвели и внедрили инфраструктуру для новых жителей – фабрику-кухню, пищевой комбинат, детские садики, школы.

Потом Лидочкиного папу назначили освобожденным секретарем партийной организации на заводе (в коммунистическую партию он вступил в 1924 году). На работу он добирался теперь дольше, 40 минут, на автобусе, так семья Никоновых сменила место жительства, и теперь проживала уже в центре Керчи.

Новая квартира тоже была 2-х комнатная, на втором этаже.

Но этот дом был старый. Ранее он принадлежал владельцу местной табачной фабрики, греку Мисаксуди. Грек выстроил этот дом для своих рабочих, не для себя. Видимо, поэтому ни о каком водопроводе речи не было, и за водой приходилось ходить к общественному крану – метров 500. А всего на всю улицу (Советскую) было два крана. Помои также выливались на улицу, и туалет был на улице, а отопление – печное. Зато комнаты были красивые, с высокими потолками, а потолки – с барельефом. И печка была обложена белым кафелем.

На 6 квартир была одна общая веранда (терраса). Фактически – это была обычная коммуналка, как их показывают в кинофильмах, только с коридором на свежем воздухе.

У каждой двери стояла табуретка или ящик, где и готовили еду в летнее время, так что все соседи были в курсе – в какой семье кто и что варит.

Там и жили до самой войны. И там же Лида варила свой первый в жизни томат (томатную пасту-соус). А получилось это так.

Семья Лидочки (из-за папиной работы) была прикреплена к магазину партактива, где выдавали продукты и промтовары по норме (по талонам) – крупы, сахар и ткани (в основном – ситец). Однажды выдали по 2 ведра помидор. Мама была в то время в санатории, в Одессе – лечила больные сердце и легкие. И, хотя Лиде было всего 10 лет, посоветовавшись с хозяйками-соседками, она практически совершенно самостоятельно сварила из выданных овощей «томат», томатную пасту. И этот «первый блин» вышел отнюдь не комом!

Был и еще один, очень памятный для всей семьи, случай, когда Лидочка проявила самостоятельность и инициативу. Папа с мамой уехали в отпуск, посчитав, что сын и дочка уже достаточно взрослые, да и соседи рядом... ну что может случиться? Некоторую сумму хозяйственной девочке оставили на покупку продуктов и прочее. Безусловно, взрослые все равно волновались – как дети будут одни, не потратят ли деньги на всякую ерунду, будут ли держать их в надежном месте, чтоб не воспользовались нечестные люди... Разумница дочка же, пристроив деньги по своему усмотрению, и справедливо рассудив, что родители должны иметь полную информацию, послала им вдогонку телеграмму: «Папа, не волнуйся, я деньги спрятала в диван!».

Вот такая была взрослая, хозяйственная девочка :)

—

* крымский ракушечник: камень с солидным возрастом породы – более 550 млн лет в основе которого раковины-панцири морских обитателей

4. «Шмоточные» вопросы

На фото: Лида в 7 классе, 1934-1935 год.

После переезда всей семьи в Керчь (1929 год), Лидочкина мама почти сразу устроилась на работу – в школу, деловодом (так раньше называли делопроизводителей). В её обязанности входило также «доставать» школьникам ботинки, а потом бесплатно распределять их нуждающимся. При такой (как показалось бы кому-то в наши дни – "прибыльной") работе, собственному сыну бесплатных ботинок она и не думала «распределить», поскольку считала что их семья живет лучше прочих.

Некоторое время она проработала в школе, но потом выяснилось, что для семейного бюджета гораздо лучше, если мама – неработающая домохозяйка, поскольку в домашнем хозяйстве, как и по всей стране, нужна была строжайшая, требующая разумного подхода, экономия. Кроме того, врачи обнаружили у неё полиартрит, так что, в конце концов, муж настоял на увольнении, то есть на "перевode" супруги обратно, в "домработницы".

А что вообще носили в конце 20-х годов прошлого века школьники в городе Керчь, в чём бегали во дворе, ходили по улице, в школу...?

Летом у детей обуви, как правило, не было вообще. Один раз маленькой Лидочке купили «плетенки» из мягкой соломы. Но их тоненькие, хлипкие подошвы совсем протерлись за несколько летних недель...

Первые более-менее приличные туфли появились у девочки во втором классе. Так называемые «торгсинки», больше напоминающие кеды – тряпочные туфельки с резиновой подошвой, белые, с голубым кантиком по краю, с перемычкой и прямой подошвой, надеваемые по особым случаям. "Хозяйственная девочка" изо всех сил берегла их, начищала зубным порошком – дабы сохранить их первозданную белизну. Но детские ножки так быстро вырастают из любой, даже тщательно оберегаемой обуви...

Первые "настоящие" туфли: купили в 6 классе, в Москве, куда Лида приехала в гости к самой младшей из сестер своей мамы. Туфельки были без всяких признаков каблука, светло-коричневые, с перемычкой, из кожи или кожзаменителя.

Первое пальто: из коверкота, светло-коричневое, досталось Лидочке только в 9 классе. Для этого они с мамой несколько ночей стояли, отмечались в очереди в «швейпром»(мастерская по пошиву). В нем же 20-летняя Лида и поехала в эвакуацию осенью 1941 года. Зимнего пальто у неё не было совсем.

Первая крепдешиновая кофточка, белая: пошили на выпускной вечер. До этого девочка ходила только в скромненьких, ситцевых блузочках. Младшая мамина сестра передавала родным свои старые платья, а мама перешивала эти платья в кофточки, да и вообще все шила сама, так как готовой одежды не продавали*. Лиде же приходилось только вышивать воротнички, что, впрочем, она делала с удовольствием**. Школьной формы, в современном понятии, тоже не было.

Пальто Лидочкиного папы, хоть он и был парработником, тоже бесконечно перелицовывалось, так как пошить новое не было материальной возможности.

P.S. Всё вышеперечисленное в этой главе вспоминалось исключительно по моей просьбе – настолько эти «шмоточные» вопросы были мелки и незначительны в той жизни, что сами по себе в памяти никак не всплывали, в отличие от....

* Честно сказать, в 20-й раз посмотрев на фото к части 7, я обратила внимание на то, что у трех девочек из пяти абсолютно одинаковые свитерочки(не представляю такую ситуацию сейчас!), что означает, что готовая одежда все-таки была. Понятно, что если они пошли фотографироваться в одинаковом – значит, её было так мало, что одно наличие в гардеробе

позволяло вообще не принимать во внимание, что на подружках надето точно такое же изделие. Возможно, это такая же, как и ботинки, "распределенная" одежда. Или к концу 1937 года снабжение города всё-таки начало улучшаться...

** Вышивание было бабулиным хобби в течение долгого времени, а слова «ришелье», «мулине», и с особым тщанием украшенные, маленькие наволочки и салфеточки остались мне на память.

5. Керчь. Дела сердечные

На фото: Лидя в августе 1935 года, между 7 и 8 классом.

Город расположился у самого Керченского пролива, на Керченском полуострове, и в хорошую погоду, стоя на берегу, всегда можно было разглядеть противоположный берег, Кавказский – Тамань.

В 30-х годах прошлого века Керчь делилась на 4 района: Горка (на склонах сердца Керчи – горы Митридат), Солянка (где находился судоремонтный завод), Корецкий хутор (переходил в деревню) и Центр (где и жила семья Лиды).

Весной все школьники бегали на Митридат, а когда начинали цвести тюльпаны – отправлялись пешком через степь и доходили до Азовского моря (Керчь стоит на полуострове, разделяющем Черное и Азовское море).

Через Керченский пролив ходили паромы на Кавказский берег.

Там, в Темрюке, был Лидочкин пионерский лагерь, куда она поехала после 3-го класса (кстати, проводывать ее приезжал только папа). От этого периода жизни навсегда остались в памяти обширные виноградники, полные янтарно-желтым виноградом.

В лагере Лида впервые стала свидетелем настоящей трагедии: паренёк постарше повис на дереве и зацепил сучком артерию. Девочка отчетливо видела, как с локтевой ямки у него фонтаном забила кровь. Хорошо, что вовремя подросла медсестра: сразу, профессионально, наложила жгут и отправила пострадавшего в больницу.

С наступлением весны, на зеленых склонах Митридата разворачивалось еще одно ежегодное, традиционное действо: устраивались кулачные бои («стенка на стенку»). Начинали их дети (в качестве разрешения споров за территорию, за район), чуть не первоклассники, а заканчивали взрослые бородачи. На эти бои ходили смотреть все, кто не участвовал: кричали, «болели» по-настоящему, как на футболе.

Вечером все – «и стар и млад» – выходили на улицу.

Но появляться на чужой территории (районе) никому не рекомендовалось.

Первый поклонник у Лидочки появился в 6 классе (я думаю, что новые, «всамделишные» туфли сыграли не последнюю роль!:) – Володя, друг брата Шурика, старше Лиды на год (в "его честь" через 7 лет будет назван её первенец).

«Ухаживание» заключалось в том, что они вместе играли в мяч и классы, стояли – разговаривали, и даже подтягивались на воротах своих домов*!

Тем временем и в школе на Лиду тоже «положили глаз» – мальчик Алёша, живший в другом районе – на Солянке. И вскоре, под предлогом «А, так ты с другого района!» Володю на Солянке изрядно поколотили.

Лидочка, крайне напуганная таким поворотом событий, стала общаться с Алешей. Как настоящий кавалер, он пригласил её покататься «на лодочке». Лодки для катания были на специальной водной станции, на бульваре (который потом превратился в Парк Культуры и Отдыха).

Однако помня о хулиганском характере Алёши, девочка поставила ему условие: «Кататься – только вместе с моей мамой!», и, как ни странно, Алёша согласился. Он сам взял на час лодку, заплатил, да еще и сам греб, а Лида с мамой сидели в лодке, как настоящие дамы. Но то ли мальчик испугался, что теперь на каждом их "свидании" будет присутствовать суровая мама, то ли была еще причина... в общем, никакого продолжения у этих "отношений" так и не получилось.

Вот такие романы среднего школьного возраста были в конце 20-х годов прошлого века :).

—

* Я все-таки думаю, что на воротах подтягивались только мальчишки :)

6. «Учебная» диета. Куда пойти учиться?

На фото: 30.10.1937 года, 10-класснице Лиде 16 лет, пора бы уже точно определиться с выбором пути в дальнейшей жизни...

Когда Лида училась в 10-м классе (1938 г), в Керчи появились первые магазины типа «Гастроном», в которых продавались совершенно немыслимые продукты: сыр «Голландский» и ветчина. Мама покупала сыр по 100 г – и только для дочки, поскольку та готовилась к экзаменам: и выпускным, в школе – и вступительным, в институте.

Вот относительно института мнения Лиды и ее мамы сильно расходились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.